

Егор Альтегин

Иллюстрация Сергея Дергачева

Тетка

П од утро Максус приснился щенок. Забавный и милый, он смешно перебирал короткими лапами и смотрел на Макса восторженно, как и должны смотреть забавные и милые щенки. Только вот вместо милительного тьяканья, щенок издавал странное, неприятное жужжание.

Макс открыл глаза. Щенок исчез, но звук никуда не делся. Макс покрутил головой, прислушался. Домофон, мобильник? Не похоже. Черт, это же дверной звонок. Исчезающий в наше время вид.

Посмотрел на часы — девять утра. Рановато для субботы. Да и вообще — кто бы это мог быть? Люди и разумные животные не ходят в гости без предварительных коммуникативных ласк. Кролик правильно не хотел впускать Винни-Пуха с Пятачком. Это он потом ошибся.

Звонок не умолкал.

Может, агитаторы? Свидетели Иеговы? Или продавцы пылесосов. Как-то давно не приходили продавцы пылесосов.

Как был, в одних трусах, Макс доплелся до двери, шелкнул замком.

За дверью стояла тетка. Нет, не так — Тетка. Без возраста и, вероятно, без совести.

— Ты, значит, жилец тугошный? — Взгляд у тетки был тяжелый, словно арматура.

Макс попытался стряхнуть с себя полусонную хмарь.

— Я, — сказал он как можно увесистее. — Чего надо?

Таким теткам палец в рот не клади. Они уважают только военных званием не ниже генерала и артистов во фраках. Так что немного нарочитой брутальности не повредит.

— Ничего, — немного помолчав, буркнула тетка. — Ничего тебе не надо. — И закрыла дверь. Ни «здравствуйте», ни «до свидания».

— Ничего тебе не надо, — вслух передразнил Макс непрошеную гостью.

И, кстати, не «тебе», а «от тебя». Садись, тетка, два.

В своей пятиэтажке он жил добрый десяток лет, соседей более-менее знал, но эту тетку-тролля видел впервые.

А такой хороший сон снился!

Как-то сразу разыгрался аппетит. Макс добрал до холодильника, провел оперативную инспекцию содержимого. Холодильник терпеливо ждал, пока хозяин догадается — предаться греху чревоугодия без похода в магазин не выйдет. Макс вздохнул и посмотрел в окно — июньский день обещал жару.

У подъезда курила Лариса, соседка с третьего. От лязга двери девица вздрогнула и отшатнулась.

— Дама, я вас фрустрировал?

— Да ну, блин, Макс, скажешь тоже. Думала, опять тетка эта, жилища новая. Наорала тут на меня. — Лариса брезгливо стряхнула пепел на асфальт.

— Тетка? Интересно. И в чем причина гнева? Куришь не в затыг?

— Ну да... То есть нет. — Лариса спрятала взгляд куда-то вбок. — Типа, я это... Ночью кричу громко, когда... Ну, ты понял.

— Нет, — продолжал веселиться Макс. — И что побудило тебя повышать голос в неурочное время?

Соседка усмехнулась — не без удовольствия.

— Тетка эта говорит: «Чего орешь, мужик сильно хороший?» — Лариса умудрилась покраснеть.

Краснеющую Ларису Максус видеть еще не приходилось. Гоняющую бомжей, матерящуюся на дворника, это да, это было. Умеет, оказывается.

Соседка явно ждала ответной реплики, остроумной, в меру скабрезной. Но метать изысканный словесный бисер перед Ларисой было глупо, в словаре соседки слово «скабрезность» и аналогичные семантические единицы отсутствовали от слова «совсем».

— Только мимо она. — Ларисе надоело ждать подобающей случаю фразы. — Нет у меня никого. Уже год как мужика своего выгнала. Понятно?

— Конечно, — легко согласился Макс. — Ты внятна, понятна и адекватна. До абсолюта.

— Конечно... — протянула Лариса, настроение которой угасало быстрее тлеющей сигареты. — Тебе всегда все «конечно» и «все понятно». — Она метнула бычок в урну и, вильнув небогатым задом, двинулась к подъезду.

Н аскоро позавтракав, Макс принялся за работу. В планах был рекламный копирайт на стиральные порошки, статья о засилье цензуры на федеральных каналах и текст без темы для сетевого журнала «Эгалитарная философия».

Писать как-то не получалось. Строчки сбивались в нестройный ряд новобранцев-первогодков. «Цивилизация рассыпается перед новым вызовом, чрезмерно уверовав в свою экзистенциальную неуязвимость». Так, ладно, это неплохо. Но читатели Макса наверняка ждали более увесистых откровений, так что жечь глаголом предстояло сурово и долго.

Мысли умирали, не родившись. Сбивались на тему — откуда в пятиэтажном жилище взялась эта агрессивная особа? Такие тетки живут в фольклоре — сидят на лавочках, моют кости прохожим. Они часть ландшафта, им чужда миграция, они не переезжают в другие квартиры. Иногда стучатся в двери. Но чтобы так, совсем без повода?

Стемнело к десяти.

Тексты буйствовали, живя своей жизнью. После фразы «ментальность монады стремится к гомеостазу» Макс решил, что на сегодня хватит и решительно выключил комп.

Не сходить ли за пивом?

Во дворе было пусто. Только Петрович, полковник в отставке, менял колесо у своей пожилой «девятки».

— Помочь? — спросил Макс.

— Ну, подсвети мобилой, если не в лом. Сгнило все, домкрат некуда приспособить.

С Петровичем они соседствовали по лестничной клетке и даже пару раз употребляли у Макса на кухне — супруга полковника к возлияниям мужа относилась резко отрицательно. А месяца три назад Петрович поймал Макса во дворе, технично захватил ладонь и провел коммуникационный прием: намекнул, что скоро предстоит обмывать новую тачку — крутую, как ВКС России.

Судя по возне с домкратом, спрашивать теперь про новости в автожизни соседа было неуместно. Впрочем, была тема поинтересней.

— Ты соседку новую знаешь? — спросил Макс.

— Это не соседка, — пропыхтел Петрович. — Это оружие массового поражения. Запретить надо. Конвенцией какой-нибудь ПАСЕ. — Он вылез из-под машины, выдохнул. — Ты меня знаешь, паркуюсь аккуратней самолета. А тут эта стерва «куда свой джип на газон?!» Я даже не придумал, что ответить. Какой джип, какой газон?

— Да, — сказал Макс. — Странно все это.

«Девятка» на джип не тянула. Да и газон во дворе был ущербный, затертый, как избирательный лозунг.

Жизнь катилась по рельсам одинаковых дней. Макс как бы честно зарабатывал как бы деньги, творя контент разной степени ода-ренности.

«Фейковый мир генерирует новые вызовы, апеллируя к коллективному безумию».

Писать он умел живо и едко. Кроме того, обладал хо-рошим качеством — умением выискывать в чужих текстах удачные обороты, чтобы впоследствии — с некоторыми улучшениями — использовать их в творчестве. А что делать? Как писал современный классик, «экономика, основанная на посредничестве, порождает культуру, предпочитающую перепродавать созданные другими образы».

Финансово Макс был условно независим, очень небедные родители спонсировали сына без условий и выноса мозга, никаких «возьмись уже за ум» и «чего долго не звонишь». Нормальные, короче. Мысль, что вся эта нормальность замешана на привязанности-равнодушии, а вовсе не на любви, иногда приходила, но была такой же ненавязчивой, как и сами родители.

Еще через день на лестничной клетке Макс встретился Артур — молодой рок-музыкант. Пару недель назад Макс мимоходом услышал, как тот сетовал кому-то, что группа его распалась, репетировать негде, и вообще жизнь не удалась. Теперь, прижав мобилу к уху, Артур делился следующим этапом неприятностей:

— Прикинь, тут какая-то мегера завелась, мозги клюет, аж шуба заворачивается. Играем громко, типа. Да мы, блин, вообще не играем. Ну, ты в курсе. Баба с дуба рухнула, к гадалке не ходить.

Лара курила на привычном месте.

— А где она живет, тетка эта? — спросил Макс вместо «привет».

— А без понятия.

Макс не сразу понял, что Лариса изменилась. Вроде бы и по деталям, но.... Слова те же, но в интонации больше не было войны с Вселенной. Да и эти иронично пляшущие чертики в глазах...

— Ларис, ты же влюбилась, умереть не встать.

Лариса мечтательно смотрела в небо.

— А, Макс... Ну есть такая тема. Паша зовут. Он к нам на работу электриком устроился. Шарахнуло — на тыщу вольт. Такой мужик...

— Поздравляю, мать. Homo homini lupus est, как говорили древние. Это не его тачка? — Макс кивнул на идеально чистый фордовский внедорожник.

— Не. У него «Патриот». А это, я слышала, с полковником нашим дилер рассчитался, они ему торчали почти лимон. Короче, решили, как это... В досудебном порядке.

— Дилер, значит...

В голове у Макса заворочались, зашевелились какие-то шестеренки, почему-то стало трудно дышать.

— Макс, ты чего такой бледный?

— Да так. Жарковато что-то сегодня.

Странности множилось, и это не было плодом его фантазии. Лапины с первого этажа наконец-то зачали ребенка — после почти годовых попыток. Зубовы на радость сыну купили попугая. Артур лабает в крутой музыкальной банде. Об этом Макс рассказала всезнающая Лариса, пышущая оптимизмом, словно диктор федеральных новостей. Убедиться в том, что и тут странная тетка приложила свою руку, труда не составило.

Неприветливая, мрачная и занудная, она стучалась в квартиры и, бессовестно привирая, обрушивала на жильцов потоки абсурдных жалоб и претензий.

Макс впал в странное состояние, для которого у него не было слов. По часу сидел у подъезда на истертой лавочке, гулял по утонувшей в июльской зелени детской площадке. Тетка, говорил он себе, да не бывает таких теток.

Потом догадался заглянуть в жилищную контору. Там ему популярно объяснили, что новых жильцов за последний год в подъезд не заселяли. Эта новость окончательно выбила Макса из себя. Пропал сон — когда он все же засыпал, ему снилась тетка. Хихикала, усмехалась, выкрикивала какую-то неразборчивую чушь. Не получалось писать. Работа у него, ага, не смешите мои тапки. Жизнь, и без того bestолковая, распалась на некрасивые фрагменты.

Просыпался рано, лежал, вслушиваясь в звуки дома. Дом оживал, топал, шумел, веселился, ругался. Мирился и ссорился. Дом жил.

Пить Макс теперь начинал в обед, и уже не пиво. Включал какой-нибудь незатейливый видеоблог — почему-то так было легче. Чокался с монитором, кривясь, как дешевый лицедей. Глупо, но Макс ждал тетку. И когда снова затрещал звонок, кинулся открывать, едва не оторвал дверную ручку.

Тетка стояла перед дверью, презрительно щурясь.

— Проходите, пожалуйста, — пролепетал Макс.

— А что мне проходить, — сказала тетка, заходя в квартиру. — Мне проходить нечего. Сам-то не понимаешь, что ли?

— Не понимаю.

С улицы жарило как надо, но ему было холодно.

— Не понимает он... — Тетка прошла на кухню, брезгливо оглядела гору невытой посуды, бутылки в мусорном пакете.
— Ждал меня?

— Ждал, — сказал Макс. — Вы же так ничего и не сказали.

— Я сказала — ничего тебе не надо. Вот у тебя мечта есть? Или желание нормальное, хотя бы?

Макс молчал. Есть ли у него мечта?

Денег в достатке, спасибо родителям. Женщины... Ну были у него женщины, попили кровушки, комарики ненасытные. Детей он не хотел — их же, наверное, от нормальных баб хотят. Путешествия? Да тоже не тема. На природе комары, в Турции жара, в Париже арабы...

— В зайце утка, в игле смерть, — пробурчала тетка. — Нет у тебя мечты. Всех дел тексты свои придурочные строчить, сериалы дебилные смотреть да мемасики разглядывать. Так?

— Так, — обреченно кивнул Макс.

— Проводи до двери.

Макс, сглотив сухой ком в горле, посмотрел на тетку без прежней надежды. Вся его суетная жизнь развернулась наготове бессмысленности, сонмом дурных привычек. Черт, он даже сам с собой какими-то штампами заумными говорит...

Все верно. С молодости остался багаж каких-никаких знаний, диплом филфака и привычка снобствовать по поводу и без. Вот и жизнь твоя. Тридцать лет. Все есть. И ничего нет.

Макс открыл тетке дверь. Ладони взмокли, и надо было что-то сказать. Но говорить было нечего.

Тетка перешагнула через порог, оглянулась.

— И это, — сказала она, — телевизор у тебя громко орет.

— Да, — тупо ответил Макс. — Извините. — И только когда шумно захлопнулась железная дверь, вспомнил, что никакого телевизора у него нет.

Здоровенную плазменную панель притащили на следующий день. Грузчики совали какие-то документы про выигрыш от крупного сетевого магазина, но Макс только махнул рукой. Не вскрывая упаковку, он втяхал ее Лапиным, умудрившись не взять денег — это было нелегко.

Макс удалил блог, закрыл аккаунты. От нечего делать вымыл квартиру до блеска и хруста, выбросил гору хлама, мимоходом удивляясь, сколько мусора может прятаться в относительно небольшом пространстве. На антресолях пылились книги — основную часть библиотеки Макс раздал еще после универа, перейдя на электронное чтение, но на что-то рука не поднялась. Сидя на полу, он всю ночь листал пыльные страницы из прошлого, из тех юных лет, когда жизнь обещала что-то настоящее, не изошла еще на пластмассовую дребедень.

Чистые комнаты взбодрили, но ненадолго — пустота внутри требовала пищи.

Макс устроился корректором в некогда солидный журнал; денег платили мало, но работы было изрядно. Купил абонемент в бассейн. Запал на серьезную прозу — это здорово примиряло с жизнью.

А еще Макс увлекся утренними пробежками.

Недалеко от дома был то ли маленький парк, то ли большой сквер. Макс выходил туда в пять, когда уже

светало, но воздух оставался по ночному прохладным. Семенил, приспособившись к своему неспортивному телу, ускорялся, снова переходил на шаг. Остановившись, придерживая правый бок. Снова бежал.

Старые кроссовки приятно пружинили. Бегунов было на удивление немало — многие годились Макс у отцы. Через неделю с ним стали здороваться — неприметным движением руки или головы. Лайкают, думал Макс с непонятной самоиронией.

«Ни-че-го-не-на-до-мне, — шептал он на вдохе и выдохе. — Мне-не-на-до-ни-че-го». Интонация менялась — с утвердительной на вопросительную, и обратно.

А потом пришла осень.

Небо погрубело, сквер зауценно желтел. Каждый день Макс придумывал стареющим листьям новую метафору: медовые, цвета йода, цвета охры.

Ближе к октябрю, возвращаясь с пробежки, Макс снова встретил курящую у подъезда Ларису.

— Привет, Лар, здорово выглядишь, — сказал он. — Как дела?

— Да лучше всех, — заулыбалась Лара. — Прикинь, Пашка меня замуж зовет. Вот скажи, зачем ему с такой душой связываться?

— Везунчик твой Пашка, — улыбнулся Макс.

Лариса рассмеялась:

— А может, и впрямь везунчик. У тебя тоже все нормально, да?

— Да, — сказал Макс, — нормально.

— А ты какой-то другой стал, — сказала Лара. — Раньше все понты кидал: что ни слово, то ребус. А сейчас по-человечески заговорил.

— Правда? Ну и хорошо. Пока, Лар.

— Эй, Макс! — крикнула Лариса, когда он уже открывал подъездную дверь. — Тут тетка эта опять нарисовалась — не сотрешь. На тебя жаловалась.

Макс вздрогнул, остановился:

— Тетка? На меня?

— Ну да. Собака, говорит, у тебя лает громко.

Макс взлетел на свой четвертый этаж, прыгая через две ступеньки. Одинаковые двери соседских квартир мелькали, сливаясь в размытый кадр. Споткнулся, чуть не упал, схватился за перила. И замер: у его двери скулил мохнатый щенок.

Макс перевел дыхание, аккуратно взял щенка на руки, сел на пол у двери, прислонившись спиной к стене. Пуль бился, как бешеный.

Щенок едва слышно повизгивал, уткнувшись Макс у в грудь. Макс прикрыл глаза, чувствуя, как успокаивается сердце; словно стук колес поезда, доехавшего до нужной станции.

— Извините, — послышался женский голос. — Это ваша собака?

Макс поднял голову.

Девушка состояла из смущенной улыбки, джинсов и синих глаз. Макс почти физически чувствовал, как ей неловко.

— Вижу, что ваша. Я новая соседка с пятого. Иду мимо, думаю, взять... он же голодный. Вот — вернулась.

— Да, — сказал Макс. — Конечно, голодный. У вас дома молоко есть?